

Ее зарубили на первой же сольной программе. Микаэль Таривердиев и Ролан Быков, предварительно прослушав, очень хвалили, а через несколько дней жюри из Минкульта РСФСР приговорило: с таким антисоветским репертуаром на сцену выпускать нельзя. Исполнитель русских песен Суржиков кричал: «Так начиналась Чехословакия. Там молодежь тоже уходила в леса и пела какие-то свои песни. И видите, чем это закончилось...»

Все видели, чем закончилось в Чехословакии: шла осень шестидесят восьмого.

В Москонцерте от Камбуrowой потребовали заявления, что ее песни в оплату не нуждаются. На гастроли ездила редко, втихую и пела только в сборных концертах.

Директор Москонцерта как-то пронзительно заметил: «По трупам ходишь. В каждой твоей песне гибнут люди». (Это об «Орленке», «Гренаде», «Трубаче».) А когда пела: «Где же вы, где же вы, счастья острова?», ей замечали строго: «Что значит — где? Разве мы не на острове счастья — острове коммунизма живем?»

Но у Елены Камбуrowой были свои острова: ее песни, ее зритель, ее Жак Брель, ее Фаина Георгиевна Раневская. И — встречи, насыщенные себя новым, любопытным, характерным, выдающимся.

Однажды в Барнауле после концерта ее вызвали в обком партии. Секретарь по агитации и пропаганде сказал: «Как вы можете петь: «Простите пехоте, что так неразумна бывает она...» Морщась от отвращения к этой окупавской строчке, партией сокрушался: «Т-а-к-о-е про Великую Отечественную...» И качая головой, совсем уж обиженно произнес: «Не та интонация, не та, не наша».

А ведь «спасибо» надо сказать партийному дядьке с суринно-гладким лицом! Будто специально ее надумили: не кадры, а интонация решает все. Теперь она только слышит голос, и уже по первому звуку, вне слов, определяет, что за человек перед нею...

Интонация — это то, чем окрашено сознание. Окрашен — в результате — и голос.

«Вот у Шагала есть своя интонация. Шагал — летающий ребенок».

С ней еще много раз в обкомах партии беседовали. И в Красноярске, и в Калуге, и в Саратове. И в шестидесятые, и в семидесятые, и в восьмидесятые. Лена терялась, забивалась в угол. Она «их» птичий язык не понимала.

Вот гэбист из отдела кадров Москонцерта приглашает к себе. «Ну, рассказывайте». — «Что?» — «Всё!» Лена молчит. «Как прошли гастроли?» — «Хорошо». — «А подробнее?» Лена опять молчит. «Идите и напишите о гастролях». «За чем? Для кого?» — «Для меня. Просто так». Дома Лена долго рыдает, заболевает.

Почему это очень тихое имя — Камбуrowa — было так опасно для КГБ?

«Мне тоже странно. Я ведь не пела политических антисоветских песен, про то, что вот они все там в Кремле сидят и... Мои песни — над этим!»

Ага! В том-то и дело, что над этим! Кто-то верно заметил: «Музыка была единственной формой передачи эстетической энергии, неподконтрольной КГБ».

Жак Брель, сын добропорядочных бельгийских буржуа, бросает фамильный бизнес и уезжает в Париж. Париж принимает его холодно. Журналисты пишут: «С такой внешностью артистами не становятся» или «В Брюссель поезда отправляются каждый день». Но

через три года Брель — на вершине славы.

И вдруг ровно в тот момент, когда ему рукоплещут вся Франция и Европа, отказывается от своей славы (или она стала значить для него что-то другое?) и покидает эстраду. Ставит мюзиклы, снимается в кино.

А узнав о своей тяжелой болезни... отправляется в кругосветное путешествие. Добирается до Маркизских островов и поселяется на одном из них — Хива-ова. Где и проводит свои последние четыре года.

Выращивает цветы и овощи. Читает. Слушает музыку.

А еще привозит из Европы киноустановку и строит для местных жителей на Хива-ова первый кинотеатр, и на своем личном самолете переправля-

закричали с мест: «Пойте наши песни!» И тотчас же сами запели хором: «Там, вдали за рекой...»

«Всякий раз, когда я имела с ними дело, поражалась их грубости, невоспитанности. Это были глубоко неинтеллигентные люди. И мне они прямо завидовали: «Вы или с нами, или против нас. Или будете Пахматову петь и ездить с нами, или не будете петь вообще».

Когда началась перестройка, а для Лены она началась в 1985-м, с приходом Горбачева, а не в 1991-м, как принято нынче считать, — так вот, едва началась перестройка, Камбуrowa вдруг увидела Россию в солнечном — буквально! — свете.

«С меня будто снята была эта страшная тяжесть — тя-

потому что вы очень зло обо всех говорите». Она так полетски расстроилась...

На концертах Камбуrowой Раневская не была. Потому что последние годы уже никуда не ходила. Но пару раз Лена пела перед Ф. Г. на ее днях рождения.

«Кстати, о днях рождения, — рассмеялась вдруг Лена. — Есть один листок... (Достает пожелтевший листочек из старой папки под названием «Раневская».) Помню как-то на дне рождения Ф. Г. был очень бедный стол. Какая-то синопная курица, и больше почти ничего. И вот безумно смешной счет, смотрите: из двадцати четырех пунктов, тут и несколько куриц, и шампанское, и коньяк, и ликер, и прочее, прочее... Все подсчитано, израсходовано 175 рэ. И

морального дзюдо: главное — заставить человека врасплох... Смысл, заметьте, сугубо комплиментарный.

А у Камбуrowой все просто, неспешно, строго, подлинно. Очень ясная певица. Но это обманчивая ясность. Потому что Камбуrowa — тайна при полном свете.

Юрий Норштейн: «Ее голос — это смесь флейты и гобоя, это просто высшее звучание человеческого голоса. Это звучание совершенно не бывшего в природе инструмента, это какая-то Эолова лира, которая от ветра вдруг возбуждается звуком, — вот что такое для меня Лена. Сочетание невероятного лиризма и невероятной остроты, сарказма, едкости, но все перекрывающий лиризм — это удивительно».

буrowой нет или почти нет на радио и телевидении. Официально она не вписывается в новое время, как и в прежнее, советское.

Что же делать? Признать, что твой удел — сидеть в тоске на одном месте? Или самой тоже ретиво и напористо расталкивать всех локтями с криками: «Пустите меня в пай!»?

Нет, все это не для Камбуrowой.

Ни с кем она за свое место под солнцем не борется. Просто как бы переходит (выбывает) в другое измерение. Тем самым изменяя почву, на которой идет борьба.

Вначале ее Театр Музыки и Поэзии существовал очень условно, только в пространстве концерта. Репетировать было негде, аппаратуру тайно от администрации прятали по примерным знакомым актерам. Аппаратуру разворовывали. За час репетиции в каком-нибудь ДК драли сумасшедшие деньги.

А Лена говорила друзьям: «Это должен быть Театр Хороших Лиц. Наш театр будет отыскивать и выращивать эти лица. Всякий раз на концертах меня потрясает, что они есть — хорошие лица! Пусть в очень малом числе, что подлашь — штучный товар, но главное: есть! Да и с разоренными лицами можно еще что-то сделать, не все они безнадежны...»

Не холок Камбуrowa по высоким инстанциям, не умеет разговаривать с начальством. Но научилась действовать по правилам экстремальной ситуации, перепрыгивать через пропасть... Сказано ведь: «Если идешь — иди; вялый путник больше пыли поднимает по дороге».

На каком-то этапе Камбуrowой помог Лужков. И теперь у Театра Музыки и Поэзии есть свое помещение, напротив Новодевичьего монастыря, два небольших зала в бывшем кинотеатре «Спорт». Пока они в стадии реконструкции.

«Рядом со мной вырастает традиция. Это молодые актеры. Очень глубокие, очень интересные ребята. Запишите, пожалуйста, их фамилии — Елена Фролова, Андрей Крамаренко, Александр Лушик, Ульяна Бударных, Ирина Евдокимова, Юрий Цендровский и другие. А еще мои замечательные музыканты — пианист Олег Синкин и гитарист Вячеслав Голиков.

Театр наш маленький. Но мы будем выживать. Театр — наш дом, ковчег, островок спасения...»

Александр Володин: «Других таких ошеломительных, таких мудрых, таких сердечных актрис, как Камбуrowa, не знаю».

«Я высоко ценю в актере темперамент. Но у нежности нет темперамента. А нежность важнее любви».

Сказала — будто оговорила вдруг.

Жак Брель: «Любовь — выражение страсти. Нежность — это совсем другое. Любовь рано или поздно исчезает, тогда как нежность неизменна».

Фаина Георгиевна Раневская: «Кто познал нежность — тот отмечен. Копье Архангела пронзило его душу. И уж не будет душе этой ни покоя, ни меры никогда! Нежность — самый кроткий, самый робкий, божественный лик любви».

● Зоя ЕРОШОК

● P.S. Елена Камбуrowa выдвинута на соискание Государственной премии. Мы порадуемся, если Камбуrowa украсит эту премию. Как и премия — ее.

Елена КАМБУРОВА:

МОИ ПЕСНИ НАД ЭТИМ

Новая газ. — 2000. — 27-30 апр. (16 (4)). — с. 21

Она робка, скромна, пуглива, трепетна, ранима, незащищенна. Абсолютно не драйвовая певица. Ни социальных, ни политических жестов, ни духовного демарша. И торжественного цирка из своего ремесла не устраивает. Дима Дибров скажет: «История про Камбуrowu — это история про искусство тишины»

ет больных аборигенов в парижские госпитали.

Его последняя воля была исполнена: он похоронен на своем острове, рядом с Полем Гогеном, на высоком зеленом холме, у самого берега Тихого океана.

Жак Брель был для Камбуrowой рукоутворным кумиром, другим берегом, грезой, миром, наваждением, наплывом счастья, лирической смутной неизгладимой абсолютной мечтой, чем-то на грани сна. А в жизни надо было идти и выступать перед пьяными шахтерами.

Прервала тогда концерт: «Песни — существа очень хрупкие. И когда нет условий, погибают, как цветы». Сказала и ушла со сцены.

Позже из того зала старый шахтер письмо прислал: просил прощения, каялся. А администратор той филармонии организовала в Москонцерт донос: Камбуrowa оскорбляла рабочий класс, ненавидит простых людей.

В средневековые музыку считали средством для обнаружения совести.

В программах Елены Камбуrowой — французская и английская поэзия XVI века, «Реквием» Ахматовой, вокальный цикл на стихи Мандельштама...

«Каждый отливает свой колокол. Я — бегун на длинную дистанцию. Как страшно оглянуться и увидеть укор в глазах доблестных рыцарей, из века в век спасавших нас...»

Окупжава говорил о Камбуrowой: последняя героическая женщина в нашем жанре. А еще Булат Шалвович называл Лену шансонье номер один в нашей стране.

Как-то ей решил помочь Ролан Быков. И «подбил» ЦК ВЛКСМ дать Камбуrowой премию.

Но на первом же комсомольском активе, едва только Лена запела: «Пока земля еще вертится...», комсомольцы

жесть страха... Страха, что при каждом моем выходе на сцену какой-нибудь Путькин что-то увидит там антисоветское и антинародное... Я действительно почувствовала свободу. И это, конечно, невероятное было счастье!»

С начала девяностых годов Камбуrowu стали приглашать на презентации. И она — стонным взглядом! — наблюдала светскую жизнь новых русских.

«Те же комсомольцы со своими многочисленными лицами. Только блуд с поросятами стало больше».

В какой-то момент поняла, что лучше перед пьяными шахтерами выступать, чем перед новыми русскими. И с тех пор избегает этой публики. Смеется: «Мне в таких случаях даже не себя жалко, а песен, которые я пою».

Есть, правда, и среди новых русских исключения, правда не подтверждающие. Например, фирма недвижимости «Миэль» помогает Камбуrowой выпускать диски, буклеты, рекламу.

Между оголтелыми комсомольцами и драйвовыми новыми русскими (или наоборот? комсомольские работники — они ведь очень драйвовыми были, с сумасшедшей энергетикой, да?), так вот: между драйвовыми комсомольскими работниками и оголтелыми новыми русскими в жизни Елены Камбуrowой появилась Фаина Георгиевна Раневская.

«У нее была такая жажда одаривать! Дом ее на глазах пустел. Потому что она всем без конца всё дарила, дарила, дарила... И очень боялась вдруг перестать играть по той простой причине, что тогда у нее оставалась бы только пенсия, а с ее щедростью она не смогла бы делать подарки! Даже хотела, чтобы ей дали звание Героя Труда, это была бы какая-то прибавка к пенсии. А сосед ей сказал: «Вам никогда не дадут Героя Труда,

рецензия Фаины Георгиевны: «Еда говно, расход большой». А далее приписка: «Счет дала Нина, сукина дочь». Это Ф. Г. поручала подруге накрыть стол, дала денег...»

Фаина Георгиевна была очень одиноким человеком. Многих сама отшивала, особенно любопытствующих. Иные ей просто были неинтересны. Одиночество — привилегия личности.

Сосед зовет Ф. Г. к себе в гости. «Нет, спасибо, у меня сегодня такая интересная встреча». — «С кем?» — «С Толстым». Сосед смотрит на нее как на сумасшедшую.

А она — о Толстом, печалась: «И вы подумайте, дорогой, как незарядительные великие идеи! После того что написано им... воевать, проливать кровь?.. Человечество, простите, подтерлось Толстым». (Лет двадцать назад сказано, а будто под сегодняшним днем.)

Драйвовый политик, драйвовая певица, драйвовый тележурналист... То есть: ретивый(ая), нахрапистый(ая), сам(а) собой взволнованный(ая); доводящий(ая) себя и толпу до гнева, иступления; действующий(ая) по правилам

Почему-то ей кажется, что как певица она могла родиться только в шестидесятые годы. Ни раньше, ни позже...

«В шестидесятые появились люди с хорошими глазами. Эти люди стали моими первыми зрителями».

Оттепель испарилась, будто и не было ее вовсе. Но люди с хорошими глазами остались. Как сторожа. Как часовые. Чего-то такого, что, может быть, еще в тени, но когда-нибудь станет оправданием времени.

«Кто-то говорит другому, тот передает третьему... Родители — детям... Не у всех ведь сегодня складывается так: вот я слушаю это, а мой сын увлекается попсой, а все остальное принципиально не слушает... Есть и другие. Они сохранились. И вот эти сохранившиеся и приходят в мои залы».

Исаак Шварц: «У Камбуrowой есть своя аудитория. Это молодые студенты, это пожилые интеллигентные люди самых разных профессий. На ее концертах люди знакомятся друг с другом, начинают дружить».

Она собирает полные залы, среди ее зрителей, ей Богу, уйма молодежи, но Кам-

Kamburova Elena

27.4.2000.